

СКАЗКА

о царѣ-богатырѣ.

Жиль-быль нѣкогда въ Россійскомъ государствѣ царь-государь—Алексѣй Михайловичъ. Жиль онъ въ Москвѣ бѣлокаменной, окруженный князьями и боярами, жилъ пышно и щедро, дружилъ и воевалъ съ сосѣдями, судилъ и рядилъ всякія домашнія дѣла, а на досугъ выѣзжалъ на

охоту и любилъ тѣшиться съ соколами и съ кречетами, любилъ и одинъ-на-одинъ на медвѣдя косматаго выйти съ рогатиной. Жилъ да поживалъ царь Алексѣй Михайловичъ и Бога благодарилъ, да вдругъ

страслась на него бѣда, какъ снѣгъ на голову: умерла его любимая жена, оставила его молодымъ вдовцомъ. Загрустилъ царь Алексѣй, запечалился; да на его счастье былъ у него другъ-пріятель, добрый, разумный человекъ — Артамономъ Матвѣе-

вымъ звали. Часто бывалъ царь въ гостяхъ у Матвѣева и увидѣлъ у него въ домѣ его племянницу, скромницу и умницу и такую красавицу, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать!... Пригля-

нулась царю скромница да умница—взялъ онъ ее за себя замужъ.

Прошло сколько-то мѣсяцевъ. Живетъ царь съ молодою женою душа въ душу, другъ на друга не насмотрятся, не нарадуются. И вотъ приходитъ однажды къ

царю Алексѣю нѣкій ученый старецъ и говоритъ ему: «смотрѣлъ я по звѣздамъ и увидѣлъ, что долженъ у тебя родиться сынъ, и будетъ тотъ сынъ твой царь - богатырь». Порадовался царь доброму предсказанію, поблагодарилъ старца, наградилъ его щедро и сталъ ожидать—что-то будетъ! Ждетъ-пождетъ, и дождался того, что и точно родился у него сынъ, и былъ прозванъ Петромъ при крещеніи. Видитъ царь, что не спроста предсказывалъ старецъ, и такъ сыну обрадовался, что дня три шировалъ и всѣхъ бояръ, воеводъ и священство у себя угощалъ; не забылъ и нищую братію, одѣлилъ и колодниковъ въ тюрьмахъ. На бѣду не удалось царю-Алексѣю долго любоваться своимъ сыночкомъ: Богъ судилъ царю умереть въ молодыхъ лѣтахъ, и остался его сынъ, царевичъ Петръ, сиротою на рукахъ у матери-царицы.

Много горя натерпѣлась бѣдная царица отъ своихъ падчерицъ и пасынка послѣ смерти царя Алексѣя, въ слезахъ и тревогахъ стала царевича Петра растить и лелѣять. А чтобы его спокойнѣе выростить, отеклась она отъ дворскаго шуму и блеску, укрылась она въ глушь деревенскую, поручила сына тремъ братьямъ

да двумъ дядькамъ. И сталъ царевичъ расти, подниматься; стали всѣ на него удивляться: не по лѣтамъ былъ онъ крѣпокъ и силенъ, не по лѣтамъ былъ разуменъ и уменъ. Грамота далась ему легохонько, да какъ только онъ ей выучился, такъ не стало отъ него покоя его дядькамъ. Засыпалъ ихъ царевичъ Петръ вопросами,—все-то хочетъ знать, развѣдать, отчего и почему такъ надо, и откуда что берется, отчего и какъ что происходитъ. И придумали царевичевы дядьки, какъ его занять помудреніе: собрали ребятъ съ нимъ однолѣтокъ, полкъ изъ нихъ составили и надо всѣми царевича Петра полковникомъ поставили. «Ну», думаютъ, «теперь онъ займется. Но вышло дѣло не такъ, какъ думали: перехитрилъ ихъ царевичъ Петръ! Не захотѣлъ онъ быть полковникомъ, да дядькамъ и говорить: «въ моемъ полку хочу быть рядовымъ солдатомъ, — хочу всю службу знать отъ самаго начала». И вотъ опять забота дядькамъ! Думали царевичу потѣху доставить и полкъ его *потѣшнымъ* назвали, а тутъ вышла не потѣха, а имъ помѣха. Царевича пришлось учить ружейнымъ всѣмъ пріемамъ, стоять съ нимъ на часахъ, на холодѣ, на зноѣ, и каждый день быть на

ученьи. И то не все: какъ только царевичъ Петръ уразумѣлъ солдатскую науку, такъ захотѣлъ учиться стрѣлять изъ ружей и изъ пушекъ, скакать на лошади, а

тамъ—и укрѣпленья строить: насыпать валы, рыть рвы, карабкаться по лѣстницамъ на стѣны. И какъ ужъ ни старались бояре, князья и воеводы царевича отговорить отъ этихъ потѣхъ, какъ его ни увѣряли, что царевичу, молъ, непристойно этимъ

дѣломъ заниматься, царевичъ имъ твердилъ только одно:

— Все это пустяки; я этому не вѣрю. Непристойно только бездѣлье, да лежебочество!

Закаялися дядьки прилагать заботу къ потѣхамъ царевича. Да онъ и самъ ужъ сталъ на выдумки гораздъ... Проговорился при немъ кто-то, что видалъ такой инструментъ, что, не сходя съ мѣста, можно и землю кругомъ себя мѣрить, и разстояніе между предметами.

— Гдѣ ты видѣлъ, откуда взялъ?—началъ допрашивать царевичъ.

— Да мнѣ въ подарокъ изъ французской земли привезли.

— Гдѣ же онъ у тебя, продай его мнѣ.

— Да, признаться, валялся онъ у меня въ сараѣ, а штука-то мѣдная, тонкой работы, кто-то его и стянулъ.

— Стянулъ? А какъ ты смѣлъ за своею вещью не смотрѣть, не въ порядкѣ ее держать? Сейчасъ снаряжайся и въ путь дорогу, поѣзжай въ французскую землю: точь-въ-точь такой же инструментъ мнѣ привези.

Дѣлать нечего, пришлось боярину ѣхать въ чужую землю, такой же инструментъ добывать, какой у него въ сараѣ валялся.

И кто-жъ его зналъ, что онъ на дѣло пригодится?

Ѣздиль-Ѣздиль бояринъ, съ полгода проѢздиль, съ полгода щей не хлебаль, квасу не пиль, ржаного хлѣба не видалъ, на церковь православную лба не крещиваль... Привезъ инструментъ завѣтный въ ящикѣ заколоченъ и везъ его всю дорогу съ такой бережью, будто трубку хрустальную. Обрадовался царевичъ; какъ возвѣстили о пріѣздѣ боярина, такъ онъ и хлѣба соли не докупаль, стола не досидѣлъ—бросился смотрѣть, какъ будутъ диковинный инструментъ изъ ящика добывать. Смотрить, глаза горять, на щекахъ румянецъ играетъ... Вотъ и ящикъ вскрыли и бережно изъ него какую-то штуку вынули: три ноги длинхъ, а на ногахъ какъ бы столикъ, а на столикѣ мѣдныя поперечины ходять, да подъ стекломъ какая-то стрѣлка кружится...

— Какъ же этому инструменту названіе?—спросилъ боярина царевичъ.

— Астролябіей его зовутъ.

— А какъ его въ дѣло пускать? Какъ имъ землю мѣрять?—сталъ дальше допрашивать царевичъ.

— А кто его знаетъ! Мнѣ показывали... Да ужъ мудро больно,—отозвался бояринъ.

Какъ закричить на него, затопаетъ ногами царевичъ:

— Какъ-же ты смѣлъ мнѣ на глаза явиться, не выучившись этому дѣлу, не распрося хорошенько!? Что мнѣ и въ инструментѣ твоёмъ, коли онъ будетъ у меня стоять, какъ игрушка заморская, безъ пользы...

Насилу бояре царевича уняли, насилу боярина изъ бѣды вызволили; обѣщали царевичу, что найдутъ ему на завтра мастера, который его научитъ съ инструментомъ обращаться.

Да легко обѣщать—не легко выполнить! Стали всѣхъ спрашивать, стали всѣмъ показывать, и такимъ, что за моремъ бывали, изъ семи печей хлѣбъ ѣдали... Да нѣтъ! Подойдетъ каждый, бороду уставитъ, головой покачаетъ да только и скажетъ: «мудрено!» А царевичъ-то пуще изъ себя выходитъ: всѣхъ бояръ во всѣ стороны разогналъ, отъ хлѣба отсталъ,—вынь да положь ему мастера, который бы его мудреному обращенію съ заморскимъ инструментомъ обучил!

Наконецъ нашелся одинъ догадливый человѣкъ; говоритъ боярамъ: «ну, чего вы голову-то потеряли? Или забыли, что нѣмецъ на всѣ руки гораздъ—обезьяну вы-

думаль!—отчего бы не пойти, не спросить объ этомъ дѣлѣ у нѣмца?»

— И точно! У нѣмца! Вѣстимо,—у нѣмца; кому же это знать, какъ не нѣмцу! И всей гурьбой повалили къ тому нѣмцу, который потѣшныхъ солдатъ царевича ратному строю обучаль. Приходятъ къ нему, кланяются: «такъ и такъ», говорятъ,—«вызволи насъ изъ бѣды неминучей! Не даетъ намъ царевичъ покою».

— Изъ бѣды васъ выручить не трудно! Съ астролябіей я самъ умѣю управиться; только вѣдь этого мало: безъ науки ее въ дѣло употребить нельзя.

— Отецъ родной! Да ужъ это ты тамъ царевичу самъ покажешь... Ты только насъ-то избавь...

Потащили нѣмца къ царевичу, чуть не пляшутъ отъ радости. Еще издали кричать: «Мастера нашли, мастера ведемъ»!

Привели. Царевичъ его сейчасъ спрашиваетъ:

— Можешь астролябіей владѣть?

— Могу, ваше величество.

— А ну-ка, покажи.

Назначилъ нѣмцу сосну, по край поля, говорить: «вотъ измѣрь, сколько до той сосны отсюда мѣста будетъ?»

Нѣмецъ прикинулъ инструментомъ, по-

глядѣль сквозь поперечины, на лоскуткѣ
бумаги какіе-то углы начертилъ, цифирь

какую-то написалъ и говорить: «должно-
быть, столько-то сажень!»

Побѣжали бояре съ шестами саженными,

смѣряли—какъ разъ столько, сколько нѣмецъ сказалъ.

Царевичъ и говоритъ нѣмцу: «поучи меня этимъ инструментомъ владѣть».

— Этому сразу научить нельзя,—отвѣчаетъ нѣмецъ,—надо сначала двѣ науки произойти: ариѳметику и геометрію.

— Ну, такъ что же? И научи тѣмъ наукамъ, я тебѣ заплачу сколько надобно.

— Не въ платѣ дѣло, ваше величество, а во времени. Тѣмъ наукамъ, и при стараніи, меньше какъ въ годъ научить нельзя.

— Ну, такъ что же? И годъ просижу, а науки тѣ буду знать!

Разъахались, засуетились бояре. Ужъ очень имъ обидно показалось, что русскій-то царевичъ сядетъ за указку да будетъ учиться у нѣмца заморской премудрости. Да царевичъ на нихъ такъ прикрикнулъ, что никто къ нему и приступить не посмѣлъ. Попробовали было нѣкоторые, кто посмѣлѣе, матушкѣ-царицѣ на это пожаловаться; но та сказала только:

— Пусть его у кого хочетъ добромъ учиться! Ученье — свѣтъ, неученье — тьма. Пусть будетъ по волѣ Божіей!

А царевичъ съ того же дня съ нѣмцемъ за науку сѣлъ, всѣ игры забылъ, всѣ потѣхи бросилъ. Принялся онъ такъ рьяно,

что и самъ нѣмецъ диву дался, и вышло такъ, что царевичъ въ шесть мѣсяцевъ прошелъ все то, на что нѣмцу, казалось, годъ будетъ нуженъ... Одолѣлъ царевичъ ариометику съ геометріей, сталъ самъ управлять съ астролябіей да съ компасомъ, и захотѣлъ дальше учиться: захотѣлъ языки узнать, захотѣлъ уразумѣть, какъ весь міръ Божій устроенъ. И случилось, какъ разъ объ эту пору, что рылся онъ однажды въ подмосковномъ своемъ селѣ, вмѣстѣ съ дядьками своими, въ амбарахъ и вдругъ наткнулся на какое-то суденко диковинное: бока крутые, донце острое, къ корму какой-то приборъ придѣланъ на петляхъ ходить.

— Это что за судно? — спросилъ у бояръ царевичъ.

— Да это... такъ... хламъ старый... никуда негодное... Мы его въ ломъ назначили.

— Какъ въ ломъ? Когда сдѣлано? Кто дѣлалъ? Почему на наши суда не похоже? Какъ оно на водѣ ходитъ?

Перепугались бояре: чуютъ надъ собою бѣду такую, какъ изъ-за той же астролябіи... Молчатъ, другъ за друга хоронятся.

Приказалъ царевичъ спустить судно на воду на прудѣ; видитъ: судно на водѣ держится; а какъ имъ править — никто не зналъ.

Опять царевичъ принялся за нѣмца. Позвалъ его, спросилъ. Тотъ говоритъ, что это судно килевое, которое по всякой водѣ можетъ ходить, не опрокидываясь; а если къ нему паруса сдѣлать, такъ въ немъ не только по вѣтру, и противъ вѣтра идти можно.

Загорѣлось сердце у царевича: давай ему такого мастера!

На счастье, узнали, что мастеръ, который это судно для царя Алексѣя строилъ, живъ и здоровъ, и живетъ подъ Москвою въ Нѣмецкой слободѣ, и что зовутъ его Брантомъ.

Поскакали гонцы за мастеромъ, до смерти старика напугали. Вдругъ, ни съ того, ни съ другого его къ царевичу требуютъ, одѣться не дали,—привезли въ чемъ дома былъ.

— Ты это судно строилъ?

— Я, ваше величество!

— Покажи, какъ имъ владѣть?

— Показать могу, только надо починить, да мачту къ нему приладить, да паруса сшить. Да и простору надо побольше, а то ему здѣсь и повернуться негдѣ.

— Спрашивай всего, что тебѣ надобно. Все тебѣ дано будетъ! Да дѣлай при мнѣ: я тебѣ самъ помогать стану.

Опять засуетились, зароптали бояре: «ви-
даное-ли дѣло! Русскій царевичъ да съ ка-

кимъ-то нехриستمъ — прости Господи! —
станеть этакой черной работой заниматься».

И опять царевичъ настоялъ на своемъ—принялся съ нѣмцемъ за работу. Опять попытались бояре матушкѣ царицѣ жаловаться, и опять тотъ же отвѣтъ услышали: «оставьте его, пусть работаетъ! Видно, есть на то воля Божья».

И въ два дня старикъ Брантъ починилъ судѣнко, всю снасть къ нему изладилъ, перевезъ его вмѣстѣ съ царевичемъ на Москву-рѣку, показалъ какъ оно и по вѣтру, и противъ вѣтра ходить.

Однако, и тутъ оказалось судѣнку тѣсно: перетасили его царевичъ на Плещеево озеро, дѣсьта въ немъ наплавался, накатался—цѣлуетъ старика, обнимаетъ, какъ брата родного, наградилъ его сверхъ всякаго чаянья.

И прослышалъ отъ того нѣмца царевичъ, что, какъ жилъ онъ въ нѣмецкой землѣ, такъ строилъ тамъ и большіе корабли, что по морямъ ходятъ.

— А теперь не забылъ строить? Съумѣлъ бы, еслибъ я тебѣ заказалъ?

— Отчего не съумѣть? Только вѣдь на озерѣ большому кораблю мѣста мало,—разойтись не гдѣ.

— Не твое дѣло, старина, ты только научи, какъ ихъ строить.

По волѣ царевича согнали на Переяслав-

ское озеро плотниковъ, навезли всякихъ снастей, лѣсу, балокъ, брусьевъ, выстроили верфь корабельную: стали два корабля строить. Позабылъ царь и о Москвѣ, и о матушкѣ родимой,—день и ночь съ Брантомъ на стройкѣ, топоромъ работаетъ, буравомъ буравить, ко всему присматривается, во все вступается...

Опять заворчали на царевича бояре. «Не пригоже русскому царевичу такимъ дѣломъ заниматься! Тебѣ надо въ Думѣ съ нами сидѣть, о дѣлахъ разсуждать! А ты корабли строишь. Куда тебѣ тѣ корабли нужны,—у твоего царства ни одного и моря-то нѣтъ, по которому кораблямъ ходить! Есть море Бѣлое подъ Архангельскимъ городомъ, такъ и въ томъ всего три мѣсяца плавать можно,—въ остальное время ото льдовъ проходу нѣтъ».

Слушалъ, слушалъ ихъ царевичъ, да и усмѣхнулся: «Люди вы старые, а ума не нажили... Вамъ бы все на боку лежать,—вамъ бы все такъ оставлять, какъ при дѣдахъ было. А я вамъ вотъ что скажу: будутъ у меня корабли, такъ я вамъ море добуду!»!

Почесали въ затылкахъ бояре, ничего не отвѣтили; только про себя подумали: «молодъ ты насъ, стариковъ, учить! Поживешь съ наше, обобьешь себѣ крылья».

А тѣмъ временемъ выстроилъ царевичъ кораблики, покатался по Переяславскому озеру, научился, какъ кораблемъ править, какъ паруса наставлять, какъ рулемъ по компасу поворачивать,—сталъ рваться къ настоящему морю. Пришелъ къ матушкѣ за благословеніемъ—просить отпустить его къ городу Архангельску, посмотрѣть на море Бѣлое, попытать въ немъ поплавать на своихъ корабликахъ. Дала ему матушка свое благословеніе и, прощаясь съ нимъ, слезно плакала—просила сына-царевича беречь себя для Русской земли.

Полетѣлъ царевичъ къ Бѣлому морю яснымъ соколомъ, созвалъ-согналъ къ городу Архангельску строителей-мастеровъ, заложилъ и на Бѣломъ морѣ верфи, сталъ и тамъ корабли строить,—и корабли не малые, а какіе для моря надобны. Поплавалъ онъ и по морю, спознался и съ морскими бурями, побывалъ на своихъ корабляхъ у соловецкихъ угодниковъ и вернулся въ Москву цѣлъ и невредимъ.

Вскорѣ послѣ того царевичъ и въ возрастъ вошелъ, и царствомъ управлять взялся и за всѣ дѣла принялся. И дивились всѣ его разуму, дивились и тому, что работать онъ могъ безъ усталости: для дѣла не доѣстъ, не доспитъ, а самъ такъ здоровъ—

емъ и цвѣтетъ, такъ богатыремъ и смотритъ. Росту — сажень печатная; между плечъ—семь четвертей; голосъ—что труба воинская; силища въ рукахъ—какой не видывано. Возьметъ въ руки подкову конскую—перегнетъ, изломаетъ; возьметъ тарелку серебряную—между ладоней въ трубку скрутитъ; ударить кулакомъ по толстой кружкѣ мѣдной — въ лепешку сомнетъ; швырнетъ вверхъ штуку сукна нѣмецкаго—на лету ее палашемъ на-полы разрубить.

И случилось, какъ разъ въ то время, когда царевичъ въ мужество вступилъ и царемъ сталъ, объявилась у насъ война съ турецкимъ султаномъ. Сталъ онъ русскихъ людей на Дону обижать, въ самыхъ устьяхъ его крѣпость Азовъ построилъ, на самыя плечи казакамъ насѣлъ.

Прослышалъ объ этомъ царь-богатырь, собралъ войско, пошелъ Азовъ добывать. Цѣлый годъ подъ Азовомъ стоялъ, съ турками бился, а побить ихъ не могъ, потому имъ съ моря подмога была и припасы шли. Понялъ царь, что нужно Азовъ отъ моря отрѣзать—цѣлую зиму на Дону подъ Воронежемъ мелкія суда строилъ, пушки на нихъ ставилъ, и какъ только тронулся ледъ на Дону, поплыли его кораблики по

Дону въ Азовское море, турецкіе корабли пожгли-разметали, Азовъ отъ моря отрѣзали—и достался онъ царю Петру во владѣніе.

Посидѣвши подъ Азовомъ, увидалъ царь богатырь, что еще многому нужно русскимъ людямъ учиться, многого они не знаютъ, да многого и самъ онъ не знаетъ! А самъ не знаешь, какъ другихъ учить будешь? Видить, что надо самому учиться. Собралъ онъ своихъ бояръ, князей и воеводъ и говоритъ имъ:

— Оставайтесь вы здѣсь, моимъ царствомъ безъ меня управляйте, судъ и правду творите, людей добрыхъ не угнетайте! А я поѣду въ чужія земли, посмотрю, какъ тамъ люди живутъ, поучусь тому, чего не знаю, вывезу оттуда съ собою и людей нужныхъ, пусть они всѣхъ русскихъ людей всему потребному учатъ.

Не посмѣли бояре противъ царя слова молвить. Снарядилъ онъ посольство къ иноземнымъ государямъ, самъ нарядился простымъ бояриномъ, поѣхалъ иноземной мудрости обучаться. Куда ни пріѣдетъ—все осмотрить: мельница хороша—мельницу, и съ мельникомъ день-другой около жернововъ ходитъ, обо всемъ его разспросить, себѣ на чертежъ сниметъ; фабрика—

на фабрику, живмя въ ней живетъ, всѣ машины переберетъ, самъ поучится, какъ ихъ въ ходъ пускать, какъ останавливать; больница—и больницу осмотрить; училище—и въ немъ побываетъ; казарма-ли, крѣпость ли—ему все знать надобно, все себѣ на память въ книжку записываетъ, все про себя умомъ соображаетъ, да къ Русской землѣ примѣняетъ.

И проѣхалъ онъ такъ черезъ всю Нѣмецкую землю, пріѣхалъ въ землю Голландскую, на самый на берегъ моря. Видитъ: невелика земля, а богата, ведетъ моремъ большую торговлю, плаваютъ голландскіе корабли и за моря, и изъ конца въ конецъ земли Голландской по каналамъ ходятъ. И приглянулася царю-богатырю Голландія; захотѣлось ему у голландцевъ поучиться, какъ они корабли заморскіе строятъ, какъ оснащаютъ, какъ на море спускаютъ. Что долго думать: сейчасъ боярское платье съ плеча долой! Рабочую куртку на плеча, вязанный колпакъ на голову, топоръ въ руки—нанялся на голландской верфи въ работники, помѣстился въ такой избушкѣ, что царскому слугѣ въ нее и войти-то стыдно, и пошелъ топорикомъ постукивать. Царь на работѣ—и бояре его туда же, отъ него отстать не смѣютъ;

тоже нанялись въ работники, научились всякой корабельной премудрости, намозолили руки бѣлыя. Какъ произошелъ царь-богатырь всю голландскую корабельную науку, такъ выстроилъ своими руками ко-

рабль, а другой отъ голландцевъ въ подарокъ получилъ, всего нужнаго на корабль забралъ, всякихъ мастеровъ нанялъ, всякаго инструмента накупилъ да въ Русь-матушку и отправилъ. А самъ дальше, въ Англійскую да во Французскую землю по-

ѣхалъ, и тамъ все осмотрѣлъ: какъ пушки лить, какъ желѣзо ковать, какъ крѣпости лучше строить, какъ книги дешевле печатать, какъ пеньку трепать и канаты вить, какъ лозу садить и вино дѣлать. И своихъ бояръ — каждого по особой части пустилъ, чтобы они, приѣхавши на родину, другихъ своему дѣлу поучить сѣумѣли.

Вернулся въ Москву царь-богатырь, видить — все у насъ не такъ дѣлается, видить, что многому русскихъ людей учить надобно. Только было принялся учить да выламывать — объявился у Русской земли новый страшный врагъ: шведскій король, Карломъ звали. Ни съ того, ни съ сего задумалъ захватить русскія земли и пошелъ на царя-богатыря войною. А надо сказать, что у того короля Карла шведскаго войско было храброе, генералы искусные, ко всякой военной хитрости привычные, ко всякой войнѣ обычные. Переплылъ король море на своихъ корабликахъ, высадилъ войско на нашихъ земляхъ, не сталъ дожидаться, пока мы на него нападёмъ, самъ на насъ напалъ — въ распахъ засталъ, во всѣ стороны разметалъ, разбилъ подъ Нарвою на-голову...

Перепугались князья, бояре и воеводы, къ царю-богатырю взмолились:

— Царь-батюшка! не погуби! не воюй ты съ этимъ окаяннымъ шведомъ: отдай ты ему тѣ земли, какія ему нужны,—гдѣ ужъ намъ съ нимъ въ чистомъ полѣ тягаться.!

Какъ раскричится, разбушуетъ на нихъ царь-богатырь:

— Какъ вы смѣете ко мнѣ съ такими рѣчами приступаться?! Шведъ разбилъ мое войско, потому что оно не ученое, да и воеводы—подъ стать войскамъ—нѣучи! Не пугаться намъ его нужно, а всѣмъ у него воевать учиться! Знаете-ли вы, что лучше русскаго войска въ цѣломъ свѣтѣ не сыщется? Да на все наука нужна!

И взялся царь-богатырь свое войско обучать, ко всѣмъ военнымъ хитростямъ его приучать, повелъ войну со шведомъ долгую, упорную, да, зная Карлову повадку задорную, сталъ его внутрь Русской земли заманивать, большихъ сраженій не давать, а малыми стычками его донимать, и дождался наконецъ того дня, что его войско и къ большой битвѣ готово стало. Высмотрѣлъ царь-богатырь большое поле подъ Полтавою,—есть гдѣ разойтись, русскую удалъ показать... И сошлась тутъ шведская рать съ Петровымъ войскомъ. Бились, бились шведы, рвались впередъ

какъ львы, видятъ — не одолѣтъ имъ русскихъ: какъ стѣна стоятъ. Дрогнули, побѣжали — погнались за ними русскіе! Сѣкутъ, рубятъ, въ полонъ берутъ. Самъ Карлъ еле ноги унесъ, а его генералы всѣ Петру въ полонъ достались.

Привели ихъ къ Петру — оборванныхъ, безоружныхъ; а царь-богатырь говоритъ имъ:

— Я на васъ не сержусь, не сѣтую. Вы меня подѣ Нарвою проучили, а я вамъ

теперь подь Полтавою урокъ далъ. Князья и бояре, пойдемъ Бога за побѣду благодарить! А потомъ станемъ пиръ пировать, и учителей нашихъ съ собою за одну трапезу посадимъ, за ихъ здоровье пить будемъ!

И велѣлъ вернуть шведскимъ генераламъ ихъ оружіе и честь воинскую, посадилъ ихъ съ собою за столъ, пилъ за здоровье ихъ и отпустилъ съ честью на родину.

— Ну, — думаютъ бояре — теперь мы шведа разбили, воевать онъ съ нами больше не захочетъ, теперь ужъ вѣрно и нашъ царь-богатырь уgomонится—самъ станетъ отдыхать и намъ отдохнуть дастъ.

А царь-богатырь въ то же время да не то же думалъ.

— Вотъ мы теперь шведа побѣдили, такъ надо ему не дать оправиться,—пойти отнять у него половину моря Балтійскаго, да на немъ русскій флотъ построить, чтобы было намъ удобнѣе съ иностранными государствами сноситься, отъ нихъ умудраться учиться.

Задумалъ, двинулъ войско, занялъ берега Финскаго залива, взялъ, раззорилъ шведскія крѣпости, что на исконныхъ русскихъ земляхъ стояли, и сталъ твердою ногою на берегу широкой Невы-рѣки, у самаго

того мѣста, гдѣ она въ море впадаетъ. И говоритъ онъ князьямъ и боярамъ:

— Ну, что же вы мнѣ говорили, будто у Русской земли моря нѣтъ? Помните, что я вамъ отвѣтилъ? *Были-бы корабли, а море будетъ.* Вотъ вамъ и море. Давайте здѣсь корабли строить.

Говорятъ ему въ отвѣтъ князья и бояре:

— Государь-батюшка! гдѣ-же тутъ, по край земли Русской корабли строить? Придетъ шведъ—корабли сожжетъ. Да и гдѣ ихъ тутъ строить? Ни города, ни верфи: одинъ лѣсъ непроглядный, да болотина непроѣзжая.

Отвѣчалъ имъ царь-богатырь:

— Эхъ, вы, люди-русскіе, православные! Или не хотите вы того въ толкъ взять, что чего я захочу, того добьюсь съ Божьей помощью! Знать, слыхали пословицу: терпѣнье да трудъ—все перетрутъ? Будетъ здѣсь и городъ, всѣмъ городамъ на диво; будутъ здѣсь и верфи—всѣмъ верфямъ на диво! А какъ мы городъ построимъ, да съ моря его кораблями обережемъ, крѣпостью оградимъ,—кто же сюда къ намъ сунется?

— Государь нашъ, батюшка, зачѣмъ тебѣ здѣсь городъ строить, когда есть у тебя городъ стольный, Москва златоглавая?

— А затѣмъ здѣсь городъ строить хочу,

что здѣсь въ Европу окошко прорублю; будетъ мнѣ изъ того окна видно, что тамъ люди добрые дѣлають, какъ живутъ, чѣмъ торгуютъ, что выдумываютъ. А Москва бѣло-каменная пусть себѣ останется городомъ

стольнымъ; буду я помнить ея святыни, буду почитать и ея старину, а все же здѣсь, въ новой столицѣ, заведу все по новому, чтобы Русь-матушку разбудить, на ученье двинуть, къ труду пріучить.

И точно, какъ по щучьему велѣнью, изъ

болота да изъ лѣсной чащи поднялся въ нѣсколько лѣтъ городъ-красавецъ. Соединилъ его Петръ съ остальною Русью каналами, оградилъ крѣпостями, выстроилъ такой флотъ, что на Шведовъ страхъ нагналъ, и стали всѣ иностранные государи русскаго царя уважать, Русскую землю знать.

И сталъ царь-богатырь по всей землѣ русской школы заводить, фабрики строить, руду изъ земли добывать, всякимъ ремесламъ всѣхъ обучать. Самъ и токарь, и кузнецъ, и механикъ, и плотникъ,—онъ и самъ всюду ѣздилъ, самъ всѣхъ училъ, наставлялъ, показывалъ и на дѣлѣ доказывалъ, что терпѣнье да ученье — до всего доведутъ!

Въ трудѣ весь свой вѣкъ царь-богатырь прожилъ, въ трудѣ и померъ! Былъ ужъ онъ очень боленъ, и велѣли ему доктора простуды беречься. И случилось ему по взморью кататься, а время было дурное, ненастное... Вдругъ слышитъ крики, на помощь зовутъ: близѣхонько отъ берега люди утопаютъ... Не стерпѣло сердце богатырское: какъ не помочь? какъ дать погибнуть православнымъ? Поспѣшилъ имъ на помощь, самъ въ воду бросился, всѣхъ утопавшихъ спасъ, да простудился, слегъ въ постель и не вставалъ больше.

Прошло съ его смерти слишкомъ 160 лѣтъ! Стала Русская земля первою въ свѣтѣ державою, по обширности и по могуществу. И всѣ русскіе люди поняли, каковъ былъ царь-богатырь, каковъ трудъ онъ на плечи поднялъ, что онъ совершилъ! ...И не въ одной Русской землѣ гремитъ славою его имя. Въ Голландіи, въ городѣ Сардамѣ уцѣлѣлъ тотъ домикъ, гдѣ царь-богатырь жилъ.—Издалека пріѣзжаютъ туда иноземцы, на тотъ домикъ дивуются, говорятъ: «не великъ домикъ, а такого царя вмѣщалъ, которому и міръ былъ тѣсенъ!»

Помните же, люди русскіе, царя-богатыря, не забывайте! Въ неудачахъ не унывайте, его вспоминая; а при удачахъ отдыхать не спѣшите, на печь не заваливайтесь. Царю Петру послѣдуйте!

